

Широков В.А.

ПУТЕШЕСТВИЕ ЕКАТЕРИНЫ ВЕЛИКОЙ В КРЫМ.

На первый взгляд об этом путешествии известно довольно много. В дореволюционной литературе немало писалось о Екатерине II и Г.А. Потемкине. Наиболее крупными являются работы А.Г. Брикнера и В.А. Бильбасова. Материалы об этом путешествии встречаются в работе племянника Потемкина А.В. Самойлова, а также А.И. Маркевича.ⁱ Однако эти работы являются самыми общими, в них недостаточно фактов, имеются противоречия. Ни в одной из них нет полного списка участников путешествия.

Работа А.Г. Брикнера, посвященная путешествию, написана, в основном, на свидетельствах иностранных участников путешествия и тоже неполна. Наиболее крупная работа Г.В. Есипова написана только по материалам центральных архивов.ⁱⁱ

Мы ставим перед собой задачу изучить все сохранившиеся по теме авторские работы, свидетельства очевидцев, архивные документы Центрального государственного архива автономной Республики Крым, провести их перекрестную сверку, изложить события, особенно по Крыму более полно. Собранные воедино эти материалы представляют безусловную ценность для характеристики как внутренней, так и внешней политики Екатерины Великой.ⁱⁱⁱ

В конце 1786 года Г.А. Потемкин возвратился из столицы в свое Екатеринославское наместничество: надо было окончательно подготовить беспрецедентное по масштабам, числу участников, времени в пути и стоимости путешествие Екатерины Великой в полуденный край Российской империи.

Задача - не из легких. Однако, как и Екатерина, Потемкин был выдающимся деятелем и прекрасно разбирался в людях: он умело подобрал на все ключевые посты в новоприобретенном крае руководителей, многих из которых знал еще по родной Смоленщине. Так, русскую армию в Крыму возглавил выдающийся военный деятель генерал Михаил Васильевич Каховский, правителем Таврической области по предложению Потемкина императрица утвердила его младшего брата статского советника Василия Васильевича. В Константинополь был послан соученик Потемкина по Московскому университету выдающийся дипломат Яков Иванович Булгаков, секретарем Потемкина стал бывший секретарь В. М. Долгорукова полковник Василий Степанович Попов. /С 1886 года – секретарь кабинета Екатерины Великой/. Был также назначен командный состав на Черноморский флот.

Осенью 1786 года Потемкин отдал распоряжение русской армии переменить квартиры, приблизиться к тем местам, по которым предполагался маршрут путешествия - не только на случай непредвиденных действий врагов России, а скорее для многочисленных работ на местах. Близ Киева была сосредоточена армия в сто тысяч человек во главе с П.А. Румянцевым, сам Г.А. Потемкин возглавил армию, расположенную под Херсоном. Один корпус - в 60 тысяч человек - возглавил племянник Потемкина генерал-лейтенант А.Н. Самойлов.^{iv}

План путешествия в Крым императрицы и ее важнейших чиновников стал вызревать еще в 1780 году, когда Екатерина Великая с подачи Вольтера увлеклась так называемым "греческим проектом": попыткой восстановить греческую монархию, освободив ее от турецкого владычества. Особенно рьяным сторонником этой идеи стал Григорий Александрович, который связал проект с идеей присоединения Крыма к России.^v Как известно, в своем стремлении выйти на берега Черного моря Россия натолкнулась на ярое сопротивление Османской империи, вследствие чего между империями разразился ряд войн. Командующие русскими войсками фельдмаршал Б.Х. Миних, В.В. Голицын, В.М. Долгоруков и П.А. Румянцев пытались осуществить идею выхода России на берега Черного моря и немало преуспели в этом. Добившись Кючук-Кайнарджийского мира, по которому Крым признавался независимым от Османской империи, Россия была на пути к успеху.

По вопросу о целях путешествия у биографов Екатерины II и Потемкина существуют разночтения. Одни отрицают интриги недоброжелателей Потемкина, другие ставят их чуть ли не на первое место. Но все сходится в том, что главной причиной явилось желание решить международные вопросы. Думается, что и интриги имели место. Против фавора Потемкина интриговали не кто-нибудь, а президент Российской академии наук Е. В. Дашкова через своего сына, П.А. Румянцев, А.П. Ермолов и др. Они стремились унизить заслуги Григория Александровича, нашептывали императрице, что непомерные затраты Потемкина ничем не оправданы, а как администратор - он ничто. Так или иначе наговоры на Григория Александровича не увенчались успехом. Ермолов, в частности, был удален от двора и послан путешествовать за границу, а новым доверенным человеком при императрице стал преданный Потемкину Александр Матвеевич Дмитриев-Мамонов. (1752-1803).^{vi}

Подготовка к путешествию началась в 1784 г. Она велась по всем линиям, причем главными заботами являлись становление Черноморского флота, укрепление армии, строительство городов и опорных пунктов, развитие экономики вновь приобретенного края.

При этом из Крыма поступило верноподданническое заявление, подписанное 21-м высшим руководителем крымских татар. Это было решение вопроса всех высших представителей татарского населения по обсуждению вопроса в Бахчисарае о назначении лошадей для путешествия по области и т.д.^{vii}

Первое, с чего начал Потемкин, была разработка маршрута, строительство или расширение и благоустройство дорог, обеспечение путешественников транспортом. Вместе с гофмейстером А. А. Безбородко они продумали весь путь, вплоть до дней и часов в местах остановок, а также церемониала встреч, составили и утвердили указы императрицы о путешествии. Потемкин отправил их на места в виде ордеров с подробным расписанием пути, мест остановок, обедов, ночлегах и станциях, строительстве в новоприобретенном крае путевых дворцов.^{viii}

Инженер-полковнику Н.И. Корсакову было поручено строительство дороги в Крым через Кизикерман и Перекоп. При этом Потемкин требовал "сделать богатой рукой, чтобы не уступала римским. Я назову ее Екатерининский путь". Правитель области В.В. Каховский в письме на имя В. С. Попова для доклада Потемкину в августе 1784 года предложил устроить пяти или десятиверстовые "мили". Потемкин вскоре назвал их "екатеринскими" и прислал чертежи. Работа по сооружению и исправлению дорог и дорожных знаков, а также сопутствующей инфраструктуры (мостов, колодцев, станционных построек и т.д.) продолжалась весь 1785 год при острой нехватке мастеров, инструментов, продовольствия и материалов. (От дороги сохранились 6 "екатеринских миль": например на Северной стороне Севастополя, а также возле ханского дворца в Бахчисарае).^{ix}

Для путешествия даже строились целые города, например Алешин (ки) - на левом берегу Днепра, против Херсона. Бригадиру И.И. Синельникову, строившему Екатеринослав, было указано, чтобы он соответствовал имени Великой Императрицы, а Кременчуге, который Потемкин избрал своей резиденцией, придать вид столичного города. Развернулось строительство и других новых городов: Херсона, Николаева, Севастополя, Симферополя. Причем все это строилось очень быстро. Алешин, например, поднялся на пустом месте всего за полгода. За два с половиной года в Симферополе были построены основные здания для управления краем и жительства чиновников и войск. Не менее бурно строился Севастополь...^x

Итальянскому композитору и капельмейстеру Сарти заказали торжественную ораторию к приезду императрицы в Крым. Архиепископу Екатеринославскому и Таврическому Амвросию (Зертис-Каменскому, который в 1757 году был архиепископом Крутицким и Можайским и отговорил Потемкина от монашества, а благословил на службу императрице и дал ему 500 рублей) написана тема приветственной речи.

На наш взгляд "поручику правителя Таврической области", выдающемуся ученому Карлу Ивановичу Габлицу поручили составить путеводитель - полное географическое и историческое описание городов, сел и местечек, по которым будет пролегать путь. Для этого его послали в столичные города собрать документы и материалы. По этим вопросам, по-видимому, запросили такие данные и с мест.

На основе собранных материалов была составлена книга "Путешествие Ея Императорского Величества в полуденный край России, предприемлемое в 1787 году". Эта книга произвела на нас сильнейшее впечатление еще в начале 80-х годов, о ней было написано для "Крымских каникул", том 3 специальное исследование, часть его опубликована в газете "Таврические ведомости" в июне 1994 года. Несмотря на усилия лучших библиографов Москвы и Санкт-Петербурга эта книга до сих пор остается анонимной, хотя представляет большой научный и практический интерес.

Свое мнение об авторстве мы основываем на биографии К. И. Габлица и анализе уникальнейшего экземпляра книги с правкой автора, которая находится в республиканской библиотеке "Таврика". Надо отметить: сам Габлиц не говорил об этом авторстве (как, между прочим и о своем лучшем труде "Физическое описание Таврической области..."). Никто из позднейших исследователей его биографии - тоже.

Но вот что интересно: в "Библиографическом словаре" Е. Болховитинова говорится: Габлиц получил одобрение Екатерины II за книгу "Физическое описание Таврической области...", она была "отпечатана в 1785 г. в Санкт-Петербурге на казенном иждивении", то есть точно также, а главное - императрица повелела ему "составить и историческое писание Крыма. Сею работою занимался он почти целый год в Санкт-Петербурге и потом в Крыму еще несколько месяцев с декабря 1785 по октябрь 1786 года", чтобы подготовить его к приезду царицы в Крым. Эту часть Габлиц поднес Екатерине уже в Крыму. От себя добавим, что она осталась не изданной и хранится в ЦГААРК, в фонде Поповых. Есть и другие доказательства, в частности письмо от 27 марта 1787 Г.В. Каховского тому же В.С. Попову, что книгу Киевского католического епископа Адама Нарушевича "Тауі́ка" он получил, но Габлиц "такую же книгу готовит", причем лучше и "почерпал все сведения из всех знаемых писателей", а также "употребил... возможную осторожность оберечь себя от критики полученных"...

В книге расписан предполагаемый маршрут путешествия: Луга - Великие Луки - Смоленск - Новгород - Северский - Чернигов - Киев - Екатеринослав - Херсон - Перекоп - Бахчисарай - Севастополь - Ак-Мечеть - Карасубазар - Судак - Старый Крым - Феодосия - Геничи - Мариуполь - Таганрог - Нахичевань - Черкасск - Азов - Бахмут - Белгород - Обоянь - Курск - Орел - Мценск - Тула - Серпухов - Москва - Клин - Торжок - Вышний Волочек - Новгород - Санкт-Петербург. Всего на 5657 верст, в том числе 446 по воде (в версте 1067 метров).

В предисловии отмечается цель книги: "всех городов, знаменитых рек, местечек, и достойных замечания урочищ, через путешествие сие последовать имеет, предполагается здесь географическое и историческое краткое описание..." Особенный интерес представляет описание Крыма, до недавнего времени "Терра-инкогнита" - земли неведомой. Кстати, переводчик книги де Сегюра в предисловии отметил немаловажную деталь, что "Сегюр заимствовал свои исторические и географические сведения из путеводителя, изданного для этого путешествия". Ясно, что указанная книга была вручена всем участникам путешествия, для чего и издавалась.

Второй группой вопросов был транспорт: лошади и повозки. Потемкин получил на приготовление экипажей 15 тысяч рублей и через конюшеную контору заказал их лучшим мастерам каретного дела в Риге, Москве и Санкт-Петербурге. Они изготовил свыше 200 экипажей, при этом часть из них имела съемный верх и могла использоваться как зимние сани и летняя карета. Особенно шикарны были две шестиместные кареты для императрицы (Одна запасная) : обитые изнутри войлоком, зеленым сукном и тисненой желтой кожей, они были раззолочены и имели герб империи с вензелем Екатерины II.

Далее надо было доработать маршрут путешествия и построить путевые дворцы. Уже в 1784 году были направлены ордера Потемкина, в том числе бригадиру И.И. Синельникову, строившему Екатеринослав, и В. В. Каховскому, содержавшие "подробные планы путешествия и о приготовлении на различных станциях известного числа лошадей, о местах, где во время путешествия будут обеденные столы, о дворцах, которые должны строиться по присланному рисунку, о квартирах в городах для свиты императрицы".

В течении следующих двух лет еще два раза уточнялся маршрут. И даже в период пребывания в Крыму он был изменен еще раз. (В Приазовье не ездили). На путевые дворцы получено 130 тысяч рублей, чуть позже еще 100 тысяч. Часть денег отпускалась из соляной экспедиции и монетного двора в Феодосии. Она поступала в распоряжение командующего русской армией в Крыму генерал-поручика барона О. А. Игельстрома, потом сменившего его М.В.Каховского для строительства дворцов в Крыму.^{xi}

По распоряжению Потемкина все дворцы снабжались мебелью, посудой и столовым бельем из Курска и Москвы. Стены их обивались разноцветными шелковыми материями под цвет мебели, расписывались художниками, раззолачивались и украшались. При дворцах устраивались великолепные сады в английском стиле (с лужайками). Заготавливалось огромное множество различных хозяйственных принадлежностей, при дворцах строились ледники для хранения продуктов. Деятельность Потемкина по подготовке путешествия просто поразительна. Было продумано все - вплоть до материалов об освещении пути и дворцов в ночное время и грандиознейших иллюминаций и фейерверков, кадушек и ушатов.

В 1786 году вопрос о путешествии был решен окончательно (До того мешали эпидемические заболевания в ряде губерний, в частности страшной по тем временам холерой). Екатерина пригласила Иосифа II и ряд принцев Европы в поездку, продумала состав высокопоставленных российских чиновников и obsługi...

Заехав в Ригу, побывав в Польше, в Киеве, Потемкин встретился с нужными людьми, отдал распоряжения, посетил свою племянницу А. В. Браницкую. проживавшую близ Киева. В Кременчуге он даже готовил жителей к балам, которые планировались во время нахождения здесь императрицы и свиты. На Днепре по его распоряжению строилась специальная флотилия. В январе 1787 года он уже решает вопросы путешествия непосредственно в Крыму: Симферополе, Бахчисарае, Севастополе и других местах...

В субботу 2 января нового 1787 г. в Санкт-Петербурге было необычайно оживленно. При большом скоплении народа на Невском проспекте и прилегающих к Казанскому собору улицах, после молебна, в грандиозное путешествие "в полуденный край" Российской империи отправилась невиданная по числу участников и роскоши экспедиция во главе с Екатериной Великой.^{xii}

В свиту императрицы входили :гетман Польши, русский генерал-аншеф граф Ксаверий Петрович Браницкий, полномочный посол при польском короле Павел Мартынович Скавронский /потомок Екатерины I/, их жены-племянницы Г.А. Потемкина и фрейлины двора -

Александра Васильевна Браницкая и Екатерина Васильевна Скавронская, камер-фрейлина Анна Степановна Протасова, фрейлина графиня Екатерина Ивановна Чернышева, вице-президент адмирал-коллегии Иван Григорьевич Чернышев, обер-шталмейстер Лев Александрович Нарышкин, обер-камергер Иван Иванович Шувалов, гофмейстер и тайный советник граф Александр Андреевич Безбородко (виднейший дипломат), генерал-адъютант граф Федор Астафьевич Ангальт, вице-адмирал и генерал-интендант Петр Иванович Пущин, генерал-майор, действительный камергер и флигель-адъютант Александр Матвеевич Дмитриев-Мамонов (новый фаворит Екатерины) , флигель-адъютант Василий Иванович Левашов, действительный статский советник Александр Васильевич Храповицкий, Виктор Павлович Кочубей (будущий министр внутренних дел) , лейб-медик Иван Самойлович Рожерсон, сын неаполитанского кузнеца, похититель княжны Таракановой Иосиф де Рибас, кабинет-секретарь Екатерины с 1786 года, а до того Потемкина, Василий Степанович Попов, другие приближенные к императрице лица.^{xiii}

Кроме того в путешествии участвовали, иностранные посланники - австрийский Кобенцель, французский -

Луи Филипп Сегюр, английский - Фиц Герберг и два "гранд-эспань"- принцы Карл Иосиф де Линь и от Киева -Карл Генрих Нассау-Зинген. При этом важно отметить, что граф де Сегюр, находившийся в России с марта 1785 по 11 октября 1789 года в качестве посла, позже член французской академии наук, является автором 8 переведенных на русский язык книг. Он также оставил интереснейшие свидетельства путешествия; Карл-Генрих Нассау-Зинген /принц Нассауский/, служивший на военной службе во Франции, Испании, Австрии, а с 1788 по 1794 год и России, писал ежедневные письма своей жене, оставшейся в Варшаве; другие принцы также вели переписку и дневники - тоже важные документы. Они опубликованы в дореволюционных журналах, в частности "Русской старине".

В общей сложности в кортеж входило 32 высших чиновника. А если учесть лакеев, другой обслуживающий персонал, в том числе кучеров, фореиторов, парикмахеров, камердинеров, поваров с поварятами, кондитеров, музыкантов, скороходов и даже двух арапов, то наберется почти 200 человек.^{xiv}

6/17 января (далее по новому стилю) в Царское Село (г. Пушкин) собрались все приглашенные в путешествие. В 9 часов утра 18 января стоял крепкий для сырого Санкт-Петербурга морозец - 18 градусов. Императрица вышла к своей карете в суконном кафтане на меху, со шнурами впереди, в высокой собольей шапке и самоучка художник Шибаев сделал с нее дошедший до нас портрет. Расселись по местам и кортеж, состоящий из 14 карет, 124 саней с кибитками при 40 запасных санях двинулся в путь,растянувшись на версту.

С императрицей в карету сели ее постоянные спутники Дмитриев-Мамонов и Протасова, а также иностранные посланники (В пути переменный состав постоянно менялся./Часть многочисленной свиты, в том числе обе сестры Потемкина, Бибиков и Попов - всего 9 человек отправились вперед).

Ехали не спеша: с 9 до 12 и с 15 до 19 часов. На каждой станции кортеж встречало от 500 до 600 свежих лошадей. Обеды устраивались в казенных зданиях или в помещичьих мызах, а в новоприобретенном крае специально построенных по распоряжению Г.А. Потемкина путевых дворцах. Вся столовая посуда каждый раз была новой, а после обеда дарилась на память хозяевам. На границе каждой губернии кортеж встречал и провожал до границы следующей губернии губернатор и чиновники. Распорядок дня императрицы был приближен к дворцовому, а во взаимоотношениях по ее настоянию отбрасывалось все официальное.^{xv}

Екатерина вставала в 6 часов утра, занималась часа два делами с Безбородко и Храповицким, беседовала с посланниками и свитой в общих залах дворцов, после обеда переодевалась, вечерами играла со спутниками в карты и лото, в 9 вечера уходила в свою комнату, писала письма или читала, в 11 ложилась спать. Надо отметить, что в поезде везли и часть библиотеки Екатерины, особенно современных французских мыслителей, с которыми она вела переписку (Вольтером, Мармонтелем, бароном Гриммом. Последний, кстати получал от Екатерины по 2 тысячи рублей в год за сообщение политических и общественных новостей во Франции.)^{xvi}.

На втором ночлеге - в Порхове - императрица поручила Храповицкому вести камер-фурьерский журнал, который печатался в газетах "Санкт-Петербургские и Московские ведомости", а позже в журналах, например "Сыне Отечества". (Этот документ не исчерпывающ, но многое помог уточнить).^{xvii}

До Киева назначалось 78 станций с обедами и ночлегом. Проехали город Рождествен, а через 65 верст прибыли на ночлег в Лугу. Весь путь до Киева в наступающих сумерках освещался огромными кострами, которые устраивались через 30 метров из заранее заготовленных еловых, сосновых и березовых бревен. (Эти костры особенно запомнились де Сегюру. Он отмечал: "мы ехали между огней, которые светили ярче дневных лучей"/. При каждой остановке на ночлег путников встречала иллюминация, смоляные бочки и плошки, горевшие по такому случаю.^{xviii}

Особенно торжественной на первом этапе пути была встреча на родине Потемкина - в Смоленске, куда кортеж прибыл 23 января. Храповицкий записал, что навстречу выехало "100 почтальонов верхами с зажженными факелами, генерал-губернатор, губернский предводитель дворянства Степан Юрьевич Храповицкий, 12 уездных предводителей, 12 депутатов от дворянства и 50 других видных дворян, 24 офицера, купечество, ремесленники с цеховыми значками, духовенство." Кортеж проследовал в город под барабанный бой и пушечную пальбу с крепости. Л.Ф. де Сегюр отметил, что в городе "нас ожидало множество приезжих со всех сторон Европы. Государыня, помолвившись в соборе, удалилась в свой дворец. Но на другой день она принимала дворянство, городские власти, купечество, духовенство, а вечером дала пышный бал, на котором было до трехсот дам в богатых нарядах...." В Смоленске задержались из-за болезни Дмитриева-Мамонова. К тому же из-за ослепительной белизны снега многие стали жаловаться на глаза. Всех вылечил лейб-медик Роджерсон.^{xix}

29 января (8 февраля) приехали в Киев - древнюю столицу первых русских князей, город редкой красоты, состоявший из трех частей: старый город, Подол и Печерск. Величаво нес свои воды Днепр, сверкали позолоченные купола множества церквей. Дворец Екатерины был выстроен отдельно от трех частей города из дерева, при нем разведен большой сад, красоте которого способствовало местоположение на крутом берегу Днепра. Здесь разместились только самые приближенные императрицы, остальные - на квартирах.

В Киеве сделали почти трехмесячную остановку. Встреча здесь была не менее пышной. Потемкин с племянниками, А.В. Суворов, архиепископ Амвросий (Каменский), граф О.М. Штакельберг (русский посланник в

Польше и ряд других лиц (в том числе Адам Нерушевич) прибыли на встречу с императрицей. Но расстреливское творение - Дворец в Киеве - был недостаточно хорош, пришел в запустение и ветхость. Румянцев, отвечавший за эти края, давний недоброжелатель Потемкина, явно проигрывал ему, да еще огрызнулся - мол, "мое дело не строить города, а брать их".^{xx}

Начались бесчисленные поездки по исторически богатейшему городу, в том числе в Печерский монастырь, на Старокиевскую гору, к Десятинной церкви, на Подол. Балы и маскарады следовали непрерывной чередой. А, как бы между прочим, встречи и беседы на политические темы - выявление настроений друг друга, особенно между русскими и иностранцами.

Л.Ф. де Сегюр отмечал важную для характеристики Екатерины Великой и всего путешествия деталь: "Императрица, не ограничиваясь одними лишь обычными приветствиями, везде подробно расспрашивала чиновников, духовенство, помещиков и купцов об их положении, средствах, требованиях, нуждах. Вот чем она снискивала себе любовь своих подданных и допытывалась правды, чтобы обнаружить огромные злоупотребления, которые многие старались скрыть от нея".^{xxi}

По воспоминаниям участников путешествия, Потемкин уединился в Печерской лавре и вел себя странно: на него то и дело нападала "жестокая хандра" или по-современному депрессия. Он выходил к чиновникам то весь в расшитом золотом и серебром мундире при многочисленных русских и зарубежных орденах, то принимал их лежа на оттоманке, в халате, нечесанный и немытый, с шлепанцами на босу ногу и беспрестанно грызя ногти, чем вызывал чувство неприязни, которое вельможи тщательно скрывали от него: слишком велика власть была в руках князя; они заискивали перед ним, пытались решить через Потемкина многие свои проблемы у императрицы.^{xxii}

Однако дела он не бросал. Из Киева Потемкин ездил на встречу с польским королем Станиславом-Августом, говорили не только о предстоящем свидании с Екатериной, но и обсуждали многие польские дела, в том числе и поведение оппозиции. Король встречался и с другими русскими сановниками под именем графа Понятовского. Особенно активно Потемкин переписывался с послом Константинополя Я. И. Булгаковым по "восточному вопросу", много раз беседовал с послом Франции де Сегюром, принимал многих государственных деятелей России и зарубежья; чуть не ежедневно встречался со множеством агентов, техников, поставщиков и приказчиков, работавших по обеспечению дальнейшего маршрута путешествия.

Пока ждали вскрытия Днепра, продолжались запланированные работы. По распоряжению Потемкина путем взрывов скал проведена очистка Днепра от порогов, воды его к весне стали судоходными по всему течению реки. Чудом появившиеся путевые дворцы в щедрой позолоте мебели, внутренней отделки, сверкании зеркал, бронзы, каскадах хрусталя встречали путешественников для ночного отдыха. Погреба и ледники ломались от "необходимаго провианту". Плошки, фонари и смоляные бочки освещали местность. Дорога была тщательно выровнена "для покойной езды". Города, деревни, усадьбы а иногда и простые хаты и даже хижинки были так изукрашены расписанными декорациями, цветами и другой зеленью, что представляли великолепное зрелище.

Как только река вскрылась, 22 апреля около 50 великолепно отделанных галер, а всего до 80 судов - целая увеселительная флотилия, на которой разместилось 3000 человек, с небывалой пышностью двинулась дальше. Галеры были отделаны в римском стиле и отличались огромными размерами и богатством убранства. На особенно большой галере "Десна", отделанной золотом, ехала императрица с приближенными. Здесь находилась большая столовая, которой давались торжественные обеды. Флотилию со всех сторон окружали шлюпки и челноки. На них путешественники посещали друг друга. Повсюду путешественников встречали толпы народа, места остановок были всячески отреставрированы и изукрашены, народу горстями разбрасывали деньги.^{xxiii}

В Каневе произошла встреча Екатерины Великой с польским королем Станиславом-Августом (Понятовским) на которой присутствовал и Потемкин. Близ Кайдан (после Канева) к кортежу присоединился австрийский император Иосиф II, путешествовавший под именем графа Фанкельштейна (Сопровождал ее до Кизикермана за Феодосией).^{xxiv}

В Кременчуге, куда доплыли к 9 утра 30 апреля, императорский кортеж был встречен еще более пышно: это уже была вотчина Потемкина и все говорило о том, что как администратор он на голову выше Румянцева. К пристани подходили при большом стечении народа, при пушечной пальбе Екатерину и ее спутников перевозили на берег в шлюпках, а в дворец в каретах. По сторонам располагались полки армии. верхами около кареты скакал Потемкин, 2 генерал-аншефа, граф Румянцев и другие. Замыкал кортеж лучший эскадрон Екатерининского кирасирского полка, канонада с батареи, парад войск, а вечером - иллюминация.

Императрице очень по душе пришелся здешний путевой дворец и сад при нем, 15-ти тысячное войско, располагавшееся здесь и составленное из лучших легкоконных полков. Четыре дня продолжались торжества в "столице Потемкина".^{xxv}

1 мая было особенно торжественно: архиепископ Амвросий сказал запланированную речь, "к руке" императрицы (что считалось особой милостью) были допущены Амвросий, Потемкин, генералитет и еще несколь-

ко чинов и офицеров. Во время обеда разыграны представления, оркестр музыкантов и группа певцов насчитывали 186 человек. Здесь и была сыграна торжественная кантата, сочиненная Сарти. Вечером - новое представление. Затем хлеб-соль от купцов и мещан города, прием их жалоб. 2 мая дан обед на 100 кувертов, а на другой день - на такой же галере "Десна".^{xxvi}

4 мая двинулись в путь, которому мешал сильный встречный ветер, так что сделали всего 25 верст за день. 6 мая около Новых Кайдак Иосиф II присоединился к кортежу. Через день остановились в 8 верстах от Кайдак, где строился Екатеринослав, Амвросий отслужил литургию в новой церкви. 12 мая приплыли в Херсон, который удивил даже иностранцев, сидевших в великолепной "колеснице" Екатерины Великой. Они увидели почти оконченную крепость, большие казармы, арсенал со множеством пушек, два линейных корабля и фрегат на верфях, готовые к спуску, казенные здания, несколько церквей, частные дома и множество магазинов с богатым набором товаров (привезли на купеческих кораблях, стоявших на рейде). Шутили: ну, второй Амстердам.^{xxvii}

На другой день шел прием императрицей военных и гражданских чинов. На обеде присутствовало 80 человек. На столе развернули украшение: модели кораблей, фрегатов и других судов из херсонского адмиралтейства числом 13, кроме еще не готового стопушечного корабля. Вечером совершили прогулку по Херсону. В открытом фаэтоне вместе с императрицей находились Иосиф, Потемкин, Браницкая, Нарышкин, Дмитриев-Мамонов, Кобенцель и де Линь.^{xxviii}

Осмотр длился больше 3 часов, в том числе предместий, садов и лесов, насаженных недавно для строительных и дровяных нужд. Осмотрели и товары у купца-грека. Императрица побывала и у солдат, занятых постройкой фортификационных сооружений, выдала им награды за хорошую работу. На другой день она писала графу Брюсу, что "узрели прекрасный город, где шесть лет назад не было ничего, кроме голой земли, притом в лучшем виде".

Почти одновременно с приездом кортежа в Херсон в устье Днепра, близ Очакова, появилась турецкая эскадра из 4 корветов и 10 фрегатов при нескольких французских офицерах на борту. Екатерина рассердилась на де Сегюра за неискренность за постоянные уверения в дружбе Франции к России и не приглашала его к столу. Потемкин объяснился с Сегюром и тот сумел оправдаться. До 17 мая здесь шли встречи и представления, в частности с племянником польского короля Станиславом Понятовским, с послом России в Турции Я. И. Булгаковым, с рядом иностранцев.^{xxix}

18 мая кортеж оказался на границе с Таврической областью. Утром следующего дня переехали на другой берег Днепра, принадлежащий уже Таврической области. Тут его встретили правитель области В. В. Каховский, экономии директор К. И. Габлиц, и Мамут-бей с "конными трухменцами, киргизцами и ногайцами, обитающие в Днепровском и Мелитопольском уездах". Они и сопровождали кортеж во все время пути до выезда из пределов области 31 мая. То есть по Крыму путешествовали не 10, а 12 дней.^{xxx}

Первой остановкой в области было урочище у Каменного моста. Здесь ночевали в путевом дворце, у которого встретили кортеж Потемкин, В.В. Каховский и охрана из 3, 5 тысяч казаков во главе с атаманом И. И. Иловайским. Казаки показали образцы джигитовки.

Утром переехали Перекоп и обедали у Пяти Колодезей. Здесь императрице показали 13 образцов соли. На Перекопских воротах по распоряжению Потемкина появился девиз: "Предпослала страх и принесла мир". (Интересно, что в упомянутом уникальном экземпляре книги о путешествии рукой автора чернилами дописан этот девиз, видимо уже в 1787 г.)^{xxxi}

После Перекопа путники увидели другие картины: блестели под южным солнцем соляные озера, татарские деревушки с минаретами, ветряными мельницами, глубокими колодцами, окруженными скотом на водопое, поля, дышавшие чистым воздухом отцветавших садов, непуганных дроф и журавлей, стрепетов и перепелов, пасущихся верблюдов, которые так же лениво и гордо, как и их хозяева, поднимали головы при приближении невиданных экипажей. Кругом высились курганы - молчаливые свидетели многочисленных народов, когда-то населявших край и зачастую сложивших здесь головы за обладание этим чудным уголком земли.^{xxxii}

От Алма-Кермена, не доезжая 11 верст до Бахчисарая, императрицу провожала конница татар, составленная из родовитых мурз численностью от 1 до 2 тысяч человек. Иосиф II жутковато шутил: а что если они захватят двух императоров и отвезут их султану. Но все обошлось: начальником у них был русский - полковник Иван Большой Горич, а татары набраны по вольному найму. Их блестящие костюмы и джигитовка приводили в восторг Екатерину и Иосифа.^{xxxiii}

В пяти верстах от Бахчисарая кортеж встретили - в роскошной Альминской долине, у фонтана, В. В. Каховский с генералитетом, К. И. Габлиц для гостеприимства и де Рибас. В Бахчисарае, на горе, с правой стороны расположились лучшие полки Потемкина: Екатеринославский гренадерский, Троицкий и Старосельский мушкетерские, которые встретили путников барабанным боем, преклонением знамен и на коленях.^{xxxiv}

Граф де Сегюр в своих записках отмечал позднее, что Бахчисарай лежит "в узкой долине или приличнее в ущелье между двух высоких и утесистых гор, на речке Чурук-Су... Строение в нем низкое и бедное, а улицы

очень узкия... Въезд в город не безопасен, и едва не испытала этого сама императрица в то время, как, завидев бахчисарайские минареты, она уже приближалась к цели своей и заранее наслаждалась удовольствием возвестить на мусульманский престол, завоеванный ею оружием", перед спуском ко дворцу с крутой горы чуть не произошла авария: тяжелую карету с Екатериной не могли сдержать кони и понесли, татары с трудом остановили их.^{xxxv}

Несмотря на то, что Бахчисарай покинули многие татары, в нем насчитывалось 9 тысяч жителей-мусульман. Новое правительство не притесняло их, они сохранили свои привилегии, обычаи, богослужение и т. п. Путникам казалось, что они находятся в каком-то турецком или персидском городе. По приказу правителя области все лавочки и кофейни были открыты. Путники видели узкие улочки с плоскими крышами лавченок, а в них товары: сафьян, войлок, оружейные и медные изделия, а также татар, одетых в куртки, расшитые галунами, шаровары, опоясанные кушаками с металлическими бляхами, с мерлушковыми шапочками на головах ив сафьяновой обуви, женщин с непременными белыми или зелеными чадрами на лицах, мулл в просторных халатах и с чалмами на головах. Бахчисарай понравился всем своим необычным видом. Иосиф II нашел его похожим на Геную.^{xxxvi}

В ханском дворце нашлось места для всех: императрице отвели большой зал и другие комнаты, посланники "расположились в серале" - в комнатах гарема и других. В зале красовался девиз на арабском языке, в переводе означавший: "Что ни говори клеветники и завистники, ни в Испании, ни в Дамаске, ни в Стамбуле не найдешь подобной". Потемкин говорил Екатерине: "В этих чертогах несколько лет тому назад злейшие враги вашего императорского величества, на подданных своих налагали цепи, а ты, милосердная, в тех же самых чертогах осыпашь их милостями и наградами; кто из смертных может сравниться с тобой, единственная в мире царица".

С наступлением ночи все горы, окружающие город, все дома, раскинувшиеся амфитеатром, были иллюминированы многочисленными огнями. Наутро императрица присутствовала у обедни в развернутой во дворе походной церкви Старооскольского пехотного полка, а не в местной церкви, как иногда указывают в газетных статьях. (Это был день св. Константина и Елены, а у Екатерины, как известно, был внук Константин).^{xxxvii}

Екатерина с Иосифом посетили Успенский монастырь и Чуфут-Кале, осмотрели их памятники, синагогу, посетили дом караимского старосты. Обед прошел необычно пышный. На нем, кроме свиты присутствовало 14 человек, в том числе генерал-аншеф М. В. Каховский, правитель области статский советник В. В. Каховский, посол России при Порте Я. И. Булгаков, муфтий Мусалов-эфенди, кадиэскер Сеит-Мехмет-эфенди и другие. С наступлением темноты иллюминация повторилась...^{xxxviii}

22 мая, в 9 утра путешественники отправились в Инкерман. Новая дорога, проложенная туда, поразила их. "Хоруга" из татарских добровольцев, в основном из мурз, сопровождала кортеж. Через 20 верст, на Мекензиевом хуторе поменяли лошадей, а через 14 верст приехали в Инкерман.

Сидя в карете с императрицей ее статс-секретарь А. В. Храповицкий, ведший журнал путешествия, читал из упомянутой книги: "Инкерман - бывший богатый и многолюдный город, называвшийся от греков Феодори, затем Евпатория, Дори, Дорос и Дорас, построенный Диофантом, был предметом борьбы. В 679 г. его взяли у готов хазары, а в 1475 г. турки. Ныне он пуст, осталась только часть стен и башен без разрушения". Подробно сообщалось в книге и об Ахтиарской бухте, которая "простирается во внутренность залива к Инкерману в длину на шесть верст, а шириною в самом широком месте не более двух верст". Указывалось, что глубина бухт "для больших кораблей достаточная и к самым берегам приставать им позволяющая, безопасный вход, иловатое дно, закрытие от ветров со всех четырех сторон высокими горами, помещают ее в число наилучших гаваней в свете".

Интересно, что в нашем экземпляре книги этот текст подчеркнут чернилами, выделен как главный рукой автора. А в журнале путешествия и в записках Сегюра явно совпадают основные характеристики местности с этой книгой.

Во время застолья в Инкермане в специально построенном на самом высоком месте горы павильоне, видимо в Каламите, по знаку "Светлейшего", вдруг раздвинули занавес, скрывавший большой балкон, обращенный к заливу. Все - короли, принцы и посланники были потрясены: на берегах безвестной бухты Ахтиар изогнуто, подковой раскинулся город. А на рейде покачивались 3 линейных корабля, 12 фрегатов, 20 мелких судов, 3 бомбардирские лодки и 2 брандера. На флагманском корабле "Слава Екатерины" был поднят кайзер-флаг (Это право после Киева императрица дала Потемкину как главнокомандующему Черноморским флотом). Из всех пушек корабли открыли огонь. Зрелище было поистине потрясающим...^{xxxix}

После обеда императрица Екатерина II, австрийский император Иосиф II и другие отправились на шлюпках к Севастополю. На шлюпке императрицы, выполненной по образцу султанской, был поднят штандарт. С кораблей спустили флаги и дали по 31 выстрелу из орудий. Пушки палили и с купеческих судов и с 4-х батарей. Об этом свидетельствовали и Сегюр и принц Насау-Зинген в своем "Дневнике".

Матросы, одетые в широкие атласные штаны с белыми чулками, в башмаках и тонких полотняных рубаш-

ках при пышных бантах из тафты и круглых шляпах с широким галуном со всех сторон кричали здравицы, а гребцы быстро и слаженно доставили высоких гостей в Севастополь. (Кстати в упомянутой книге сообщалось, что "он расположен на одном из ее заливов, ближайшем к морю, на ровном берега уступе, довольно уже выстроен и снабжен всеми потребностями для судов и морских служителей, пребывание свое тут имеющих". Слово "Севастополь" в нашем экземпляре книги вписано от руки и подчеркнуто. Есть данные и о "развалинах Херсонесских".

Шлюпки с высокими гостями прошли под парусами и на веслах почти всю бухту и пристали к нынешней Графской пристани, заложенной 3 июня 1783 г. из камня (Названа по имени командующего Черноморским флотом графа М. И. Войновича, который жил на месте будущего, второго по счету, адмиралтейства на противоположной стороне бухты, а приезжал каждый день и приставал здесь). "У пристани была великолепная лестница из тесаного камня, роскошная терраса вела от нея к дому императрицы, куда мы прибыли вместе с нею. Она повторяла все время, что обязана всем этим князю Потемкину. Надеюсь теперь не скажут, что он ленив", - написал в письме своей супруге Насау-Зинген.^{xi}

Итак, путешественники прошли к дому недавнего командующего эскадрой ЧФ в Ахтиарской гавани контр-адмирала Томаса (Фомы Фомича) Мекензи, умершего в январе 1786 г. Дом этот, заложенный одновременно с пристанью, находился на взгорке, где сейчас трибуны, и представлял собой одноэтажное здание с 7 окнами по фасаду и балконом, на который с 2 сторон вели лесенки. К тому времени дом принадлежал морскому ведомству и был переоборудован под путевой дворец Екатерины Великой. Стены его были обшиты изнутри ореховым деревом, выше окон обиты малиновым и других цветов штофом, на окна повешены шелковые занавеси, полы устланы темно-зеленым сукном, комнаты меблированы лучшей мебелью, зеркалами и люстрами. Императрице он понравился. После ее ночлега здесь дом назывался "екатерининским", как и дорога, идущая мимо его на Балаклаву. (Первая улица Севастополя, называлась вначале Адмиралтейской, ныне ул. Ленина).

Рядом с домом находились первые постройки города: дом для адмиралтейства, кузница, часовня и ряд мазанок, крытых камышом. Для обедов и приемов рядом же, на нынешней площади Нахимова, был раскинут полевой стан: палатки, шатры, столы и пр. Следующий день прошел в осмотре Севастополя и встречах с офицерами флота. Флагофицер лейтенант Д.Н. Сенявин, первый руководитель строительства города оставил записки и особенно подробно описал этот день. Он был "допущен к руке императрицы", коленопреклоненно целовал ее и вспоминал это как высшую награду, (Позже этот офицер стал видным флотоводцем).^{xii}

Вечером, после всех представлений императрице, был показан "спектакль": на Северной стороне был устроен фальшивый городок, который подвергли бомбардировке, взорвали и подожгли. А так как там было немало горючего материала зрелище было весьма эффектным.

О посещении Севастополя французский посол граф Л.Ф. де Сегюр писал так: "Проехав залив, мы пристали к подножию горы, на которой полукружием возвышался Севастополь. Несколько зданий для склада товаров, адмиралтейство, городские укрепления, четыреста домов, толпы рабочих, сильный гарнизон, госпиталь, верфи, пристани, торговая и карантинная, все придавало Севастополю вид довольно значительного города. Нам казалось непостижимым, каким образом в 2000 верстах от столицы, в недавно приобретенном крае, Потемкин нашел возможным воздвигнуть такие здания, соорудить город, создать флот и поселить столько жителей. Это действительно был подвиг необыкновенной деятельности!" Даже Иосиф II не удержался от слов восхищения и предвещал этому месту великую будущность... И сама императрица была в восхищении. В одном из писем барону Гримму она писала: "Здесь, где тому назад три года ничего не было, я нашла довольно красивый город и флотилию, довольно живую и бойкую на вид, гавань, якорная стоянка и пристань хороши от природы и надо отдать справедливость князю Потемкину, что он во всем этом обнаружил величайшую деятельность и прозорливость".^{xliii}

Свозил Потемкин обожаемую императрицу и в свое имение в Байдарской долине. Это были лучшие земли в Крыму, когда-то принадлежавшие турецкому султану (а после Потемкина - Н. С. Мордвинову). Кстати неподалеку отсюда земли были подарены некоторым мурзам и русским чиновникам, а также де Сегюру и де Линю и они их, оторвавшись от кортежа на несколько дней, навестили.^{xliiii}

Байдарская долина привлекала человека с древнейших времен и не случайно. Сравнительно невысокие, но лесистые горы, навесы и пещеры, пригодные для жилищ. Неподалеку - море с его запасами моллюсков и рыбы, а после смены эпохи охотничества и собирательства на земледельческую - плодороднейшая долина, орошаемая реками. В великолепных бухтах могли размещаться торговые и военные суда.

А уж красоту этих мест передать словами просто невозможно – их надо видеть. Сильное впечатление на путешественников оказала местность, где позже, при М.С. Воронцове, были построены Байдарские ворота: под ногами пропасть, покрытая зеленым ковром леса, по скалам скачут дикие козы, виз чащи леса доносится журчание ручья, а в стороне – громада Форосских скал, невиданной красоты урочища Аязьма, Батилиман и Ласпи...

Под Балаклавой императрицу ждал сюрприз. Ее встречала рота амазонок, составленная по ордеру свет-

лейшего из благородных жен дочерей стоявшего здесь греческого полка. - 100 наездниц во главе с Еленой Ивановной Сарандовой (позже Шидянской) - все в юбках малинового бархата, отороченного золотым галуном и бахромой, в куртках зеленого бархата, тоже обшитых золотым галуном, в белых тюрбанах с золотыми блестками и страусовым пером, вооруженных ружьями. Екатерина была умилена, прислала "капитану роты" бриллиантовый перстень на память.^{xliv}

Красота Байдарской долины окончательно покорила путешественников. Это видно даже из камер-фурьерского журнала. Да и немудрено. В Ласпи вела специально проложенная дорога, откуда два императора - Екатерина и Иосиф - любовались великолепными видами Южного берега Крыма. А у Скели (ныне с.Родниковское)- одном из имений Потемкина, где он дал великолепный обед на воздухе - огромные "поставленные камни" - менгиры, возраст которых превышал 3 тысячи лет до нашей эры. Можно себе представить какое впечатление на путешественников оказала эта местность, особенно менгиры, которыми они любовались после обеда. (Самый большой менгир весит более 6 тонн и неизвестно где он добыт и как сюда доставлен).

Затем путешественники через Мекензиев хутор и Дуванкой (с.Верхнесадовое) вернулись в Бахчисарай. А поскольку путешествие по Байдарской долине длилось до глубокой ночи, на другой день они отдыхали (Так что надпись о пребывании Екатерины Великой в Бахчисарае 14 мая, сделанная на екатерининской миле, правильна, т. к. дана старым стилем-В.Гуркович отмечал, что она дана неверно).

15 (26) мая за 5 верст от Симферополя кортеж с высокими гостями встречали штаб офицеры Севского полка, рота которого стояла на карауле, правитель Таврической области В.В. Каховский, предводитель дворянства А.С. Таранов-Белозеров с 12 наиболее крупными чиновниками области, все в новеньких темно-фиолетовых мундирах.

По дороге на Симферополь расположились городничий, купцы, мещане и поселяне, жившие вблизи города, а также чиновники всех присутственных мест во главе с начальниками присутствий. Путешественники свернули к первой христианской церкви (ул. Октябрьская, 8), помолились, зашли в дом Шидянских на той же площади, затем направились к путевому дворцу (ул. Р. Люксембург, 15).^{xlv}

Дворец этот был заложен 21 октября 1784 г. и был полностью готов к приезду гостей. Был он одноэтажным, длиной в 22 сажени. В 1818 г. Таврический губернатор А.Н. Баранов (друг А. С. Пушкина) писал о нем: "Все вышеозначенное строение начато постройкой в 1784 году и окончено в 1787 году для пребывания Ее Величества блаженной памяти покойной государыни Императрицы Екатерины Второй, во время шествия ее в Крым. Построено оное из бутового камня на глине, крытое черепицею, употреблено на постройку онага казенных денег 32934 рубля 88 копеек". Дом состоял из 20 комнат, имел 3 сеней. При нем построена кухня (сзиди), а по бокам несколько флигелей - из 15, 13, 7 и 8 комнат.^{xlvi}

Любопытны записи, сделанные Л. Ф. Сегюром. Он отмечал, что в Симферополе "устроены даже кое-какие здания в роде домов и довольно красивых зал, и даже небольшой английский садик". В упоминавшейся нами книге отмечалось вставкой от руки: "В Симферополе построены присутственные места для области Таврической, и тут же живут чиновники помянутой области". В передних покоях дворца высоких гостей встретили высшие чиновные лица области, а также дамы и семейства чиновников, штаб и обер-офицеры Севского полка.

"Для гостеприимства" были выделены губернский прокурор, племянник правителя области Д. Е. Лесли и надворный советник Максимович (Ему принадлежал квартал от нынешнего здания верховного Совета АРК до ул. Пушкина). Состоялся обед, на котором, кроме Екатерины и Иосифа, присутствовало 46 человек. В саду при дворце Екатерина посадила три шелковицы и кортеж двинулся дальше.^{xlvii} (Любопытно, что в последнем порядке о маршруте от марта 1787 г. предполагалось ночевать в Симферополе, но, видимо потому, что был "перерасходован" день в столице ханов, пребывание сократили.)

В Карасубазар пролегла новая широкая дорога, пробитая с помощью солдат. На берегу речки Карасу был разбит обширный сад в английском стиле, а посреди его красовался великолепный дворец. Иосиф II в письме своему фельдмаршалу отмечал, что город был когда-то одним из значительных, но сейчас следов этого мало, "население состоит из татар, турок, армян и жидов. Все они выехали нам навстречу верхами, и подобно пчелиному рою, окружили нашу карету и провожали нас до дома Князя Потемкина, выстроенного на том самом месте, где находилась главная квартира корпуса, которым он командовал во время занятия Крыма; это прекрасное здание, в виде киоска в весьма живописной долине; его огибают, извиваясь, ручей чистой воды..."^{xlviii}

Австрийский император отметил также наличие здесь казарм для трех полков пехоты, артиллерийский парк в 50 орудий. Иосиф был поражен также необыкновенной красоты фейерверком, для которого за 2 тысячи верст Потемкин прислал часть бомбардирской роты Преображенского полка. (Потемкин порадовал гостей фонтаном, водопадом и вечерним фейерверком из 300 тысяч ракет. А площадок для освещения солдаты изготовили около ста тысяч).

В Карасубазаре императрица наградила группу чиновников Таврической области в 14 человек. Орден святого равноапостольного князя Владимира второй степени получил правитель области В.В. Каховский, такой же орден 3 степени правитель ее канцелярии В.С. Попов, 4-й степени эконома - директор области ученый К.И.

Габлиц, начальник карантинных Е.И.Нотара, прокурор верхней расправы, он же предводитель дворянства А.С. Таранов-Белозеров...^{xlix}

Затем были еще поездки в Старый Крым, Судак и Феодосию. В Феодосии осмотрели монетный двор и отчеканили 2 золотые медали с обозначением года, месяца и дня посещения. Часть путешественников проехала по Керченскому полуострову. В Приазовье не поехали. Внутренние проблемы требовали присутствия императрицы в столице. Поэтому через Перекоп вернулись на пройденный путь. Потом поехали в Полтаву, где Потемкин успел приготовить еще одно "мероприятие": Там 70 эскадронов, 4 батальона пехоты из гренадеров и 4 батальона егерей при 40 орудиях полевой артиллерии "атаковали неприятеля", изображая в деталях Полтавскую битву. "Удовольствием и гордостью горел взор Екатерины, казалось кровь Петра великого струилась в ее жилах. Это величественное зрелище достойно увенчало наше романтическое и вместе историческое путешествие", – отмечал де Сегюр.

Путешествие в Крым обошлось казне в 15 миллионов рублей, да еще около годового дохода Потемкина (а он составлял без малого 4 миллиона рублей), но "шкурка выделки стоила". Экономическое, политическое, дипломатическое значение этого путешествия трудно переоценить. В 1803 г. граф Л.Ф. Сегюр выпустил в Париже книгу, в которой были не только приводимые выше слова. Он отмечал, что "богатства степного края, быстрое развитие городов, изобилие военных запасов и снарядов, отличное устройство войска, значение военных портов, прелесть южной природы в Крыму, заботливость князя при управлении всем краем, – все это должно было поразить Екатерину, обезоружить недоброжелателей князя и в то же время привести в удивление Европу. На Западе должны были узнать, какими источниками богатства и могущества располагает Россия.

Путешествие это из контроля над действиями Потемкина должно было превратиться в торжество его, Екатерины и вообще России в глазах Европы, в демонстрацию перед Оттоманской Портой и ее союзниками, оно должно было внушить страх недоброжелателям России... "

Лучше, пожалуй, и не скажешь. Однако к этому надо добавить то огромное значение, которое оказало путешествие – практически ревизия целого ряда губерний России – на развитие их экономики, борьбу с коррупцией (взяточничеством и мздоимством, как тогда говорили) и злоупотреблениями другого рода. Не случайно во время пути Екатерина не раз подчеркивала спутникам, что "путешествует не для того, чтобы видеть города и области, по планам и описаниям ей довольно хорошо знакомые, но чтобы видеть людей и доставить им возможность видеть императрицу, приблизиться к ней, подавать ей жалобы и этим поправить многие неудобства, злоупотребления, упущения и несправедливости; самый слух о предполагаемом путешествии, – прибавила императрица, – уже может быть полезным." (По де Сегюру).

Недоброжелатели говорили, что на устройство вновь приобретенного края Потемкин израсходовал несколько сот миллионов рублей. Но все окупалось. Естественные богатства края привлекали промышленников и торговцев в растущие города. Морские пристани были освобождены от пошлин на 5 лет, что привлекло иностранные коммерческие суда. Степная часть Новороссии заселилась земледельцами из России, поскольку им даны были большие льготы. Позднее здесь расселились менониты и молокане – тоже умелые земледельцы.

Крымским татарам также были даны льготы: они освобождались от платежа податей и других повинностей, дома их – от постоя войск, семейства – от рекрутского набора. Им было дано право свободно совершать магометанские богослужебные обряды и разбирать дела по шариату. Мурзы и простые татары были осыпаны разными наградами. Все мурзы были возведены в дворянское достоинство по свидетельству 12 лиц о благородном происхождении. Правительство в лице Потемкина не препятствовало переселению татар в Турцию и вначале их выселилось до 80 тысяч человек. Затем многие из них, видя разумную политику России и не найдя обещанных льгот в Турции, просились обратно.

Г.А. Потемкин оставил по себе весьма заметный след, пытаясь осуществить гигантские преобразования, невиданные ранее не только в России, но и за рубежом. Созданные им города – Екатеринослав, Николаев, Херсон, Севастополь, Симферополь и другие – принадлежат к наиболее важным населенным пунктам юга Отечества.

ⁱ Бильбасов В.А. История Екатерины II. В 2-х тт. – Берлин, 1900; Брикнер А.Г. Потемкин. – С-Пб, 1891; Самойлов А.Н. Жизнь и деятельность генерал-фельдмаршала князя Григория Александровича Потемкина //Русский архив. – 1867; Гейнце Н.Э. Князь Тавриды. – С-Пб, 1891; Семевски М. Князь Г.А. Потемкин //Русская старина, 1839. – Т.12-14; Уманец А.А. Рассказы о Крыме. – Севастополь, 1887; Записки графа Сегюра о пребывании его в России в царствование Екатерины II. – С-Пб, 1865; Принц Нассауский. Императрица Екатерина II в Крыму, 1787 г. //Русская старина. – 1893. – ноябрь; Сенявин Д.Н. Путешествие императрицы Екатерины II в Тавриду //Морской сборник. – 1855. – Т.15; Письма Потемкина и о нем // "Русская старина" и "Русский архив"; переписка Екатерины II – там же.

ⁱⁱ Брикнер А. Путешествие Екатерины II в полуденный край России в 1787 г. //Журнал министерства народного просвещения, спец. выпуск; Есипов Г.В. Путешествие императрицы Екатерины II в южную Россию в 1787 году // "Киевская старина". – 1890-1891; Маркевич А.И. Материалы архива канцелярии Таврического губернатора, относящиеся к путешествию императрицы Екатерины II в Крым в 1787 г. //ИТУАК. – 1891. – №11.

ⁱⁱⁱ Журнал Высочайшего Ея Императорского Величества путешествию... с 2 января по 12 июля /ЗООИД. – Одесса, 1853. – Т.3; Путешествие Ея Императорского Величества в полуденный край России, предпринятое в 1787 году. – С-Пб, 1786 /О книге см. Широков В.А. История одного поиска //Таврические ведомости 4 и 11 июня 1994; Гуркович В. Первый русский путеводитель // "Крымское время" –

1996. – 5 января; ЦГААРК, ф.535, оп.1, дд.1026, 1533, 1542, 1528, 1639-1641, 1926-1936, 2020, 2104-2108.

^{iv} Самойлов А.Н. Указ соч. – С.77-79.

^v Есипов Г.В. Указ. соч. – С.182.

^{vi} Брикнер А. Потемкин. – С.81-82; Есипов Г.В. Указ. соч. – С.175-176.

^{vii} Брикнер А. Указ. соч. – С.83; Его же Путешествие...; Маркевич А.И. Материалы..., С.84-85.

^{viii} Маркевич А.И. Указ. соч. – С.88.

^{ix} Гуркович В. Екатерининские мили // "Русский мир". – 1997. – №1. – С.5.

^x Брикнер А. Потемкин. – С.84.

^{xi} Брикнер. А. Путешествие... //МНП. – 1872. – №7. – С.3; Путешествие Ея..., С.143-144; Маркевич А.И. Материалы... – С.82.

^{xii} Есипов Г.В. Указ. соч. – С.391-392.

^{xiii} Маркевич А.И. Указ.соч. – С.126-128.

^{xiv} Записки графа Сегюра... – С.138.

^{xv} Есипов Г.В. Указ. соч. – ноябрь, С.192-193; декабрь, С.391-393.

^{xvi} Сегюра... С.139; Есипов Г.В. Указ. соч. – декабрь, С.397.

^{xvii} Записки графа Сегюра... С.138; Уманец А.А. Указ. соч. – С.205.

^{xviii} Есипов Г.В. Указ. соч. – С.398-411; Записки графа Сегюра... – С.145-146.

^{xix} Есипов Г.В. Указ. соч. – С.112; Записки графа Сегюра... С.147.

^{xx} Есипов Г.В. Указ. соч. – С.113-114.

^{xxi} Брикнер. А. Потемкин. – С.85-86.

^{xxii} Там же. – С.88; Записки графа Сегюра... – С.184; Есипов Г.В. Указ. соч. – Т.33. – С.79-80.

^{xxiii} Брикнер А. Указ. соч. – С.91; Записки графа Сегюра... – С.18,91; Самойлов А.Н. Указ. соч. – С.87.

^{xxiv} Записки графа Сегюра... – С.276-277.

^{xxv} Там же.

^{xxvi} Там же.

^{xxvii} Там же. – С.281.

^{xxviii} Брикнер А. Указ. соч. – С.93; Есипов Г.В. Указ. соч. – Т.34. – С.242-243.

^{xxix} Есипов Г.В. Указ. соч. – С.246.

^{xxx} Там же. – С.410-411.

^{xxxi} Маркевич А.И. Материалы... С.130; Насау-Зинген – С.290-292.

^{xxxii} Уманец А.А. Указ. соч. – С.201-204.

^{xxxiii} Брикнер А. Указ. соч. – С.40; Есипов Г.В. Указ. соч. – С.416.

^{xxxiv} Уманец А.А. Указ. соч. – С.200-201.

^{xxxv} Записки графа Сегюра... – С.210.

^{xxxvi} Там же. – С.213; Насау-Зинген. – С.293; Уманец А.А. Указ. соч. – С.206-207.

^{xxxvii} Насау-Зинген. – С.293-294; Есипов Г.В. Указ. соч. – С.424-425.

^{xxxviii} Уманец А.А. Указ. соч. – С.208.

^{xxxix} Записки графа Сегюра... С.213-215; Журнал..., С.44-45; Есипов Г.В. Указ. соч. – Т.35. – С.232-235.

^{xl} Записки графа Сегюра... С.234-240.

^{xli} Есипов Г.В. Указ. соч. – С.236; Сенявин Д.Н. Указ. соч. – С.86.

^{xlii} Есипов Г.В. Указ. соч. – С.244-245.

^{xliiii} Уманец А.А. Указ. соч. – С.179-180, 212-213; Есипов Г.В. Указ. соч. – С.361; Брикнер А. – Указ. соч. – С.96-97.

^{xliiv} Есипов. Амазонская рота. – С.72; Записки графа Сегюра... – С.296-297.; Есипов Г.В. Указ. соч. – С.368.

^{xlv} Маркевич А.И. Краткий... – С.78.; Его же. Материалы... – С.134; Есипов Г.В. Указ. соч. – С.370; Записки графа Сегюра... – С.219.

^{xlvi} ЦГААРК. ф.27, оп. 13, д.272, лл.15-17.

^{xlvii} Маркевич А.И. Материалы... – С.134,137-143.

^{xlviii} Есипов Г.В. Указ. соч. – С.372-373.; Записки графа Сегюра... – С.222; Есипов Г.В. Указ. соч. – Т.35. – С.370-374.

^{xlix} Записки графа Сегюра... – С.223; Брикнер А. Путешествие... – С.4-7; Уманец А.А. Указ. соч. – С.176-177.